

Почему же, послѣ этого, правительство должно, какъ утверждаетъ авторъ, въ познаніи учащихся удостовѣряться посредствомъ „особыхъ органовъ“? Профессора утверждены тѣмъ же правительствомъ, а слѣдовательно, пользуются его довѣріемъ. Почему они не заслуживаютъ довѣрія, какъ экзаменаторы? На этотъ вопросъ авторъ „Моск. Вѣд.“ отвѣчаетъ цѣлымъ лабиринтомъ мыслей—выйти изъ котораго задача не легкая. Мы-де,—говоритъ онъ,—стоимъ за науку и за свободу; преподаваніе должно быть *свободно*, а потому преподаваемое не можетъ быть предметомъ экзамена, такъ какъ экзаменъ есть нѣчто *обязательное*. Вотъ почему, говоритъ онъ, одни должны *свободно* читать; а другіе должны экзаменовать изъ того только, что *обязательно* въ наукѣ. Но вотъ и собственные слова автора: „испытанію можетъ и долженъ подвергаться испытуемый не изъ всего того, что предложено свободѣ его любознательности, а только изъ основныхъ предметовъ факультета, и только изъ того, что есть въ нихъ общепризнаннаго, для всѣхъ знающихъ равно обязательнаго“. Или почтенный авторъ смѣшалъ университетскіе экзамены съ экзаменомъ на аттестатъ зрѣлости, гдѣ дѣйствительно требуется знаніе только общепризнаннаго, для всѣхъ знающихъ равно обязательнаго; или онъ забылъ собственные, выше сказанныя имъ слова: „всякая попытка, хотя бы односторонняя и ошибочная въ области научнаго изслѣдованія, можетъ принести только пользу; въ этихъ попыткахъ, въ этихъ исканіяхъ, причемъ неизбѣжны и заблужденія, состоитъ жизнь науки, а только живая наука чего-нибудь стоить и можетъ быть плодотворна: нечего опасаться заблуждений, свойственныхъ всякому исканію, лишь бы оно было предпринято въ духѣ науки, то-есть по ея методамъ, въ которыхъ заключается ея сила, ея существо, ея самокритика и самоповѣрка“. Но, припоминая вышесказанное тѣмъ же авторомъ, мы должны заключить, что учащіеся должны только удовлетворять свою любознательность, слушая „всякія попытки (профессоровъ), хотя бы одностороннія и ошибочныя въ области научнаго изслѣдованія“, которыя, по его же мнѣнію, могутъ принести только пользу; но никакъ они не должны держать экзамена изъ выслушанныхъ имъ „попытокъ“, экзаменоваться же учащіеся должны у другихъ лицъ, не дѣлающихъ никакихъ „попытокъ“, т.-е. не занимающихся наукою, и притомъ только изъ „безспорнаго“ въ наукѣ. Но кто же возьметъ на себя, по нашему мнѣнію, невозможный трудъ—опредѣлить, что въ наукѣ, на ея университетской высотѣ, вполнѣ безспорно; да и самъ авторъ соглашается, что „живая наука“ вся состоитъ въ борьбѣ мнѣній, и что только такая наука—плодотворна. Авторъ, какъ мы сказали, только вводитъ насъ въ этотъ лабиринтъ своихъ мыслей, но не даетъ никакой путеводной нити, и сильно сомнѣваемся, чтобы